

Генезис реализма как эпистемологической позиции и основания научного познания

О. Б. Куликова

(ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье дается анализ тенденций развития реализма как особой эпистемологической традиции, которая в комплексе оснований научного познания играет ключевую роль.

Ключевые слова: реализм, реальность, наивный реализм, неореализм, критический реализм, научный реализм, основания научного познания.

Научное познание в своем становлении определялось многими культурными традициями, вызревая в общем историческом процессе расширения объема знаний о мире. Философские традиции в этом отношении сыграли решающую роль, сформировав то, что называется основаниями научного познания. Сохранение и воспроизводство этих оснований можно считать гарантией идентичности науки по отношению к иным способам мыслительной деятельности.

К числу таких оснований следует отнести особую линию развития философской мысли — реализм. Он позволил по существу и прямо поставить ключевые эпистемологические вопросы, и прежде всего вопрос о том, на что, собственно, направлено познание и что должно и может быть его результатом. Данная линия складывалась усилиями великих мыслителей Античности, в том числе Парменида, Платона, Аристотеля; Средневековья, особенно Фомы Аквинского, а также философов Нового времени — Р. Декарта и в общем-то всех последователей рационализма. Категория реальности определила развитие в первую очередь философии познания (гносеологии, эпистемологии), хотя и в ее тесной связи с онтологией.

В средневековой схоластике проблема реальности находит предельное разрешение, что и стало толчком к радикальной проблематизации гносеологической мысли и как следствие — к активным поискам новых па-

радигм познания. Интересно, что антипод реализма — номинализм — не стал, как показала история науки, значимым истоком таких поисков. Номиналистские установки не могли сами по себе ориентировать на раскрытие природных тайн, хотя важно отметить, что признание в соответствии с ними первопричинности вещей по отношению к идеям (мыслительным образам) несет в себе важный посыл объективности, хотя и не всегда явный.

Реалистская позиция как основание научного познания складывается в новоевропейском рационализме Декарта, Спинозы, Лейбница. Для последних была характерна онтологизация продуктов абстрактной мыслительной деятельности, что имело определенное сходство со средневековым реализмом. Реальность с их подачи предстала идеализированной (математизированной) сферой бытия, в которой организованы механические взаимодействия неких концентраций масс — материальных точек. В этот период идея реальности по сравнению с ее схоластическим вариантом серьезно трансформируется — происходит переход от *res* (вещи) к *realitas* (реальности), т. е. вещь теряет свой прежний статус, становится лишь «фрагментом, помещенным в геометризованное пространство» (Пржиленский, 1998: 42).

Существенный вклад в осмысление данной проблемы внес И. Кант. Кантовский мир вещей есть самоопределяющаяся реаль-

* Куликова Ольга Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ивановского государственного энергетического университета, член Российского философского общества. Тел.: +7 (4932) 41-25-90. Эл. адрес: kulickovaolg@yandex.ru

ность, границы которой не совпадают с возможностями их познания человеком. Эта реальность есть нечто внеположенное человеческим действиям, включая познавательные, представляя для человека в двух ипостасях — феноменов (чувственно данных явлений) и ноуменов (умопостижимых причин явлений). Это соответствовало, по мысли философа, специфике познавательных способностей — структур человека (Кант, 1994: 307–308). Установки кантовского критического рационализма, предписывающие различать наши суждения о вещах и сами вещи, можно считать предпосылками современных форм реализма. Именно Кант обосновывает в качестве нормы философской мысли и особую оппозицию — реализм/идеализм.

В целом в философии XIX и даже начала XX в. данная оппозиция не была общепринятой. Так, В. Вундт в своей известной книге «Введение в философию» в 1901 г. в качестве альтернативы реалистическим установкам называет не идеализм, не материализм и не дуализм, а фантастические установки, т. е. выводит в качестве основной оппозицию реалистичность/фантастичность (Вундт, 2001: 323). Данная оппозиция также вошла в общий перечень коннотатов реализма XX в.

Реализм и проблема реальности в XIX в. все же находились несколько в тени других течений эпистемологии и философии. Первый — позитивизм — демонстрирует отказ не только от широкого и всеохватывающего проблемного поля классической метафизики, сосредоточившись на осмыслении феномена науки, но и от идеи реальности в ее общефилософском смысле. Оспорив возможность выхода субъекта в сферу трансцендентного, позитивисты очертили границы реальности феноменальным слоем бытия. Как справедливо отметил в свое время М. Планк, «для позитивизма не существует принципиальных загадок, темных вопросов; все для него пребывает в ясном дневном свете» (Планк, 1998: 121).

Понятие «реальность» и его производные тем временем (к началу XX в.) прочно вошли в широкий обыденный оборот. Понятие реальности здесь стало тождественным

действительности, фактической конкретности, очевидности, а главным образом практической осуществимости, подлинности и вещественности чего-либо и т. п. Утвердилось представление о реальности как однозначном и отчетливом состоянии материально-предметного мира, учитывающая который человек достигает должной степени порядка в действиях и уверенности в своих силах.

Наивный реализм, по определению Б. Рассела, «отождествляет восприятия с физическими вещами; он считает, что солнце астрономов есть то, что мы видим» (Рассел, 2001: 218). В свою очередь, как бы продолжив расселовское определение, американский философ науки Х. Патнэм характеризовал наивный реализм как позицию, согласно которой возможно унифицированное (абсолютное) отношение субъекта к миру, по сути, единственного субъекта (Патнэм, 1996: 213).

Достоинством такой позиции является, во-первых, ее безусловная совместимость с установками объективности (изначально чтимыми в науке), а во-вторых, наличие в ней оптимизма в отношении познавательных возможностей человека. По словам Б. Рассела, вся физика исторически началась с наивного реализма, «то есть с веры в то, что внешние объекты являются в точности такими, какими мы их видим» (Рассел, 2001: 213). В сухом же остатке наивного реализма как позиции, интуитивно принятой многими участниками научно-познавательной деятельности в XIX в., обнаружилось нечто прямо противоположное ему — проблема неоднозначной данности мира (объекта) в знании. В общем-то позитивизм О. Конта во многом был выражением реализма наивного.

Второй позитивизм (Э. Мах, Р. Авенариус, П. Дюгем) низвел и реальность до некоего слоя нейтрального (обезличенного) чувственного опыта (бессубъектного чувственного опыта), фактически продемонстрировав позицию антиреализма. Все это, а также сворачивание онтологической проблематики до крайнего минимума привело к серьезному идейному тупику и в сфере эпистемологической, и в сфере творческой научной мысли.

Ответ на эти вызовы стал необходимым в начале XX в. Наука оказалась в известном теоретическом лабиринте в связи с обнаружившейся невозможностью строить картину мира, исходя лишь из эмпирических данных, не выходя в сферу умознания, в сферу чистых идей. И здесь неизбежно встал вопрос о границах самого умознания.

Ответ на вызов был постепенно сформирован неопозитивистами, которые (по крайней мере, их часть) постепенно включают в обиход понятие реальности в противовес всему, что несло в себе субъективизм, идеализм, солипсизм. Об этом свидетельствует, например, участник Венского кружка В. Крафт. Для него «объективная реальность удостоверяется не отдельным восприятием, а только закономерными связями, она не абсолютизируется, не трансцендируется, а наделяется эмпирическим характером (Крафт, 2003: 191–194). В целом, по мысли тех «венцев», которые обратились к идее реальности, метафизика не должна довольствоваться над первозданностью эмпирического материала, но способна обеспечить осмысленный поиск форм ее мыслительной репрезентации.

Тенденция к становлению реалистической позиции в сфере эпистемологии и философии науки (да и в сознании участников самой научно-познавательной деятельности), которую можно проследить с момента зарождения теоретического знания, выразила собой стремление сохранить в науке условия для теоретического творчества как такового.

В связи с переключением основного внимания европейских философов на проблемы науки реализм в начале XX в. оказывается востребованным, возникают две его особые разновидности — неореализм и критический реализм.

Дж. Э. Мур первым обосновал платформу неореализма. В своей работе «Опровержение идеализма» (1903) он выступил за признание реальности в качестве независимой от человеческого сознания, внешней для последнего данности, а также открытости ее для человеческого познания. Новый реализм

открыто стал противопоставлять себя в первую очередь идеализму.

Мур предлагает рассуждать с позиций здравого смысла, который без всяких сомнений побуждает признать разницу между ощущением и его источником, а одновременно признать равнозначность существования и материальных предметов, и ощущений. «Какие у нас основания полагать, — спрашивает в конце своей программной статьи Мур, — что материальные предметы не существуют, если их существование засвидетельствовано точно таким же образом, как существование наших ощущений?» (Мур, 1987: 265). Позиция Мура, представленная, например, в его докладе «Доказательство внешнего мира», аналогична во многом позиции наивного реализма: для него реальность совпадает с миром вещей, с простой, несомненной и непосредственной данностью их в восприятиях, как данность собственных рук. Самый главный аргумент Мура в пользу данного тезиса — это аргумент о непротиворечивом выражении этой данности в обыденном языке, где и сосредоточен здравый смысл (Мур, 1993: 66–84).

Специфическим движением неореализм становится в большей степени благодаря инициативе группы американских университетских преподавателей. В 1910 г. они выступили со своеобразным манифестом с характерным названием «Программа и первая платформа шести реалистов». Среди авторов платформы были Р. Б. Перри, У. П. Монтегю, Э. Б. Холт, У. Т. Марвин и др. Неореалисты (европейские и американские) в целом обосновали проблему реальности как общеприкладную философскую, представили новый подход к ее решению, предполагая тем самым опровергнуть и идеализм, и дуализм.

Британский вариант неореализма стал одним из прямых источников аналитического направления. Среди сторонников его первоначально был и Б. Рассел. Так называемая доктрина внешних отношений неореализма, став противовесом неогегельянству с его логикой внутренних отношений, утвердила следующее: объект и субъект находятся в от-

ношениях, физически не зависят друг от друга, но в опыте субъекта достигается их имманентность. Данная доктрина позволила снять многие противоречия и логические тупики существовавших на тот момент моделей познания (махизма, например). Важным было также и то, что, как подчеркивает Н. С. Юлина, «неореалисты взяли курс на сциентизм» в соответствии с позитивным в целом образом науки, сложившимся в начале XX в. (Юлина, 2010: 102–103). Они попытались придать некое органичное единство онтологической и гносеологической проблематике в построении модели научного познания.

Но модель оказалась весьма зыбкой — онтология и гносеология не имели в ней общего основания, что приходилось компенсировать дополнительными сложными допущениями. Ведь утверждения об имманентности объекта его образу в сознании субъекта никак не согласуются с утверждениями, что объект существует независимо от того, чем он выступает в сознании субъекта (от образа). Одновременно обнаружилось самое слабое звено в неореалистских эпистемологических моделях, а именно: невозможность объяснить, почему возникают ошибки в познании, в чем состоит источник заблуждений.

Зародившись почти одновременно и даже чуть раньше неореализма, реализм критический широко заявил о себе в начале 20-х годов XX в. Критический реализм не выступал столь категоричным способом противостояния с идеализмом, как неореализм. Сторонники этой линии направляли свои силы на одоление позиции наивного реализма и на полемику с приверженцами неореализма.

В американской философии критический реализм стал самостоятельной платформой. В 1920 г. выходит своеобразный манифест — коллективный труд «Очерки критического реализма» В нем приняли участие весьма авторитетные философы Д. Дрейк, А. О. Лавджой, Дж. Сантаяна, Р. В. Селларс и др. Объединило их общее стремление прояснить модель познавательных действий, вскрыть истоки различий, которые возникают у людей в познании одних и тех же объектов.

Критические реалисты решительно отказались от тезиса о прямой данности объекта в сознании субъекта. Подчеркивая это принципиальное расхождение с оппонентами из «партии» неореализма, Д. Дрейк во вступительной статье сборника-манифеста «Очерки критического реализма» пишет: «...существование намного шире, чем опыт... объекты существуют в себе и для себя независимо от нашего восприятия» (Essays..., 1920: 5). Тем самым возрождается кантовская идея о двух ипостасях вещи в познавательном отношении. Но критические реалисты оптимистически оценили возможности субъекта в постижении сущности вещи.

В модели познания критических реалистов в отличие от неореалистов выведено три, а не два члена: объект, субъект и идеальный посредник (Юлина, 2010: 111). В качестве последнего мыслились некие качественные данные (сущности, ментальные состояния), изначально якобы присущие сознанию. Обращение к категории сущности во многом определило предмет (главную тему) рассуждений критического реализма. Разработка этой проблемы, в свою очередь, приводит к двум крайностям перерождения критического реализма: 1) в сторону материализма и 2) в сторону объективного идеализма. Движение, таким образом, в 1930-е годы утратило целостность.

При заметных различиях двух рассмотренных линий реализма начала XX в. тем не менее между ними просматривается и определенное идейное сходство: принцип независимости существования объекта от субъекта, тенденция к онтологизации общего в вещах, сциентистские убеждения, признание прогресса научного познания. Связывает их и стремление придать философии статус научности, утвердить равноценные с науками позиции философии как профессиональной дисциплинарно организованной деятельности.

Складывавшийся в первой трети XX в. проект так называемой научной философии во многом находился в соответствии с установками реализма. В целом общие тенденции

в эпистемологии и философии науки обусловили возникновение в 60-е годы XX в. новой концептуальной струи, получившей название научного реализма. В нем было выражено стремление некоторых представителей аналитического направления найти референт теоретическим объяснительным построениям науки. Данная платформа объединила те модели науки, авторы которых признавали основной целью научного познания поиск истины.

Важную роль здесь сыграла определенная онтологическая позиция, состоявшая в признании того, что содержание научных теорий соотносимо с некой сферой бытия объектов, где фокусируются их сущности. Принцип реализма как некое основание аналитических моделей науки 60–70-х годов сводился к следующему положению: любое научное суждение соотносится и должно соотноситься с объективной реальностью. Научный реализм символизировал собой и завершение «эпохи» логического позитивизма, для которого онтологические проблемы (проблема реальности в том числе) стали источником основных разногласий, а в конечном счете и одной из причин его угасания.

Одновременно с середины XX в. набирали «вес» новые так называемые постпозитивистские модели науки (Т. Куна, К. Поппера, И. Лакатоса, П. Фейерабенда), в которых основное внимание было уделено историческим трансформациям научной сферы. Довольно сильные позиции заняли приверженцы (нередко радикальные) экстернализма, историцизма и социологизма, неся с собой мощный заряд эпистемологического релятивизма. Научный реализм в определенной мере стал ответом на этот вызов.

Сторонников платформы объединило признание внутренней обусловленности прогресса науки, в котором полученное научное знание вполне убедительно демонстрирует непрерывное приближение к Истине. По словам Р. Харре, проблема для сторонников платформы состоит в том, можем ли мы получить достоверное знание об этом нена-

блюдаемом, ведь знание и реальность «есть разные виды сущностей» (Harre, 1986: 34).

В связи с резким усилением тенденций к дифференциации научных поисков идея реальности начинает размываться, утрачивать регулятивную роль. Способствовало этому и усиление антиреализма, ставшего некой эпистемологической модой. Весьма «удобной» платформой для критики «научного реализма», да и науки как явления культуры, стал постмодернизм, утверждавший принципиальную идейную «всеядность». Н. С. Юлина справедливо называет постмодернизм идеологическим врагом современных признанных философских школ и в целом западной рационалистической традиции (Юлина, 2001: 92).

Научные реалисты конца XX в. Х. Патнэм, У. Селларс, Р. Харре, Д. Деннет, Э. Агацци, Я. Хакинг, М. Хессе и др. пытаются в самых разных вариантах найти способы «спасения» реальности как идеи-регулятора. Д. Деннет, например, рассматривает саму способность распознавания различий между явлением и реальностью величайшим человеческим открытием, на базе которого возникает наука как наиболее прогрессивная технология достижения Истины (Деннет, 2001: 98).

Научный реализм был и до настоящего времени остается стремлением (на уровне философского и научного сообщества) создать интегральную платформу научно-познавательной деятельности. Реализм во всех разновидностях в XX в. был декларацией необходимости сохранения ее оснований и призывом к этому. Понятие реальности в целом, как представляется, выражает собой не столько структуры или сущности мира, которые следует соотносить с объяснительными теоретическими построениями, сколько то, что отвечает в этом мире (включая и мир социума) общечеловеческим смыслом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вундт, В. (2001) Введение в философию / под ред. А. Л. Субботина. М. : ЧеРо ; Добросвет.

Деннет, Д. (2001) Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно // Вопросы философии. № 8. С. 93–100.

Кант, И. (1994) Критика чистого разума. М. : Мысль.

Крафт, В. (2003) Венский кружок. Возникновение неопозитивизма / пер. с англ. А. Никифорова. М. : Идея-Пресс.

Мур, Дж. (1987) Опровержение идеализма // Историко-философский ежегодник. М. : Наука. С. 242–265.

Мур, Дж. Э. (1993) Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия. Избр. тексты / сост. А. Ф. Грязнов. М. : Изд-во МГУ. С. 66–84.

Патнэм, Х. (1996) Введение к книге «Реализм и разум» // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада : хрестоматия / сост. А. А. Печенкин. М. : Логос. С. 209–220.

Планк, М. (1998) Позитивизм и реальный внешний мир // Вопросы философии. № 3. С. 120–132.

Пржиленский, В. И. (1998) Онтологические предпосылки познания социальной реальности. Ставрополь : Изд-во Сев-КавГТУ.

Рассел, Б. (2001) Человеческое познание, его сферы и границы. Киев : Ника-центр ; М. : Ин-т общегуманитарных исследований.

Юлина, Н. С. (2001) Деннет о вирусе постмодернизма. Polemika с Р. Рорти о сознании и реализме // Вопросы философии. № 8. С. 78–92.

Юлина, Н. С. (2010) Философская мысль в США. XX век. М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация».

Essays in Critical Realism: A Cooperative Study of the Problem of Knowledge (1920) / ed. by Durant Drake et al. N. Y.

Harre, R. (1986) Varieties of Realism: A Rationale for the Natural Sciences. Oxford.

*THE GENESIS OF REALISM AS
AN EPISTEMOLOGICAL POSITION AND
FOUNDATIONS OF SCIENTIFIC COGNITION*

*O. B. KULIKOVA
(IVANOVO STATE POWER UNIVERSITY)*

The article analyzes the basic trends in the development of realism as a special epistemologi-

cal tradition. It is argued that realism plays the key role in the complex of the foundations of scientific cognition.

Keywords: realism, reality, naive realism, neo-realism, critical realism, scientific realism, the foundations of scientific cognition.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Vundt, V. (2001) Vvedenie v filosofiiu / pod red. A. L. Subbotina. M. : CheRo ; Dobrosvet.

Dennet, D. (2001) Postmodernizm i istina. Pochemu nam vazhno ponimat' eto pravil'no // Voprosy filosofii. № 8. S. 93–100.

Kant, I. (1994) Kritika chistogo razuma. M. : Mysl'.

Kraft, V. (2003) Venskii kruzhok. Vozniknovenie neopozitivizma / per. s angl. A. Nikiforova. M. : Ideia-Press.

Mur, Dzh. (1987) Oproverzhenie idealizma // Istoriko-filosofskii ezhegodnik. M. : Nauka. S. 242–265.

Mur, Dzh. E. (1993) Dokazatel'stvo vneshnego mira // Analiticheskaja filosofija. Izbr. teksty / sost. A. F. Griaznov. M. : Izd-vo MGU. S. 66–84.

Patnem, Kh. (1996) Vvedenie k knige «Realizm i razum» // Sovremennaia filosofija nauki: znanie, ratsional'nost', tsennosti v trudakh myslitelei Zapada : khrestomatija / sost. A. A. Pechenkin. M. : Logos. S. 209–220.

Plank, M. (1998) Pozitivizm i real'nyi vneshnii mir // Voprosy filosofii. № 3. S. 120–132.

Przhilenskii, V. I. (1998) Ontologicheskie predposylki poznaniia sotsial'noi real'nosti. Stavropol' : Izd-vo Sev-KavGTU.

Rassel, B. (2001) Chelovecheskoe poznanie, ego sfery i granitsy. Kiev : Nika-tsentr ; M. : In-t obshchegumanitarnykh issledovanii.

Iulina, N. S. (2001) Dennet o viruse postmodernizma. Polemika s R. Rorti o soznanii i realizme // Voprosy filosofii. № 8. S. 78–92.

Iulina, N. S. (2010) Filosofskaia mysl' v SShA. XX vek. M. : Kanon+ ; ROOI «Reabilitatsiia».

Essays in Critical Realism: A Cooperative Study of the Problem of Knowledge (1920) / ed. by Durant Drake et al. N. Y.

Harre, R. (1986) Varieties of Realism: A Rationale for the Natural Sciences. Oxford.